

Джон
Ллойд
Уорден Пейдж

John Llord Warden Page

**В России без русского
языка, или странствия
англичанина по
центральной России, по
суше и по воде**

18+

Джон Ллойд Уорден Пейдж

**В России без русского
языка, или странствия
англичанина по центральной
России, по суше и по воде**

«Автор»

2026

Пейдж Д.

В России без русского языка, или странствия англичанина по центральной России, по суше и по воде / Д. Пейдж — «Автор», 2026

Книга английского путешественника Джона Ллойда Уордена Пейджа (John Lloyd Warden Page; годы жизни не установлены), впервые изданная в 1898 году в Плимуте и Лондоне, представляет собой описание путешествия по России в 1897 году: Санкт-Петербург, Москва, Нижегородская ярмарка, Волга. Автор не знал русского языка, что определило характер его книги: непосредственные впечатления, бытовые детали, цены, расстояния, обычаи. Биографические сведения об авторе скудны. Настоящее издание — первый перевод книги на русский язык, сопровождаемый научным аппаратом: вступительной статьёй, комментарием, указателями, глоссариями, хронологической таблицей, библиографией. Для историков, филологов, культурологов и всех, интересующихся историей России и историей путешествий.

© Пейдж Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
СОДЕРЖАНИЕ	6
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ «В России без русского языка»: английский путешественник на Волге в 1897 году	8
ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ	14
ПРЕДИСЛОВИЕ	15
ГЛАВА I. ВВЕДЕНИЕ. О РОССИИ И РУССКИХ ОБЫЧАЯХ	16
ГЛАВА II. КРОНШТАДТ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Джон Ллойд Уорден Пейдж В России без русского языка, или странствия англичанина по центральной России, по суше и по воде

Глава

Собор Василия Блаженного, Москва

**Джон Ллойд Уорден Пейдж В РОССИИ БЕЗ РУССКОГО
ЯЗЫКА, ИЛИ СТРАНСТВИЯ АНГЛИЧАНИНА ПО
ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ, ПО СУШЕ И ПО ВОДЕ**

Перевод с английского
2026

Пейдж, Джон Ллойд Уорден. В России без русского языка, или Странствия англичанина по Центральной России, по суше и по воде / Дж. Л. У. Пейдж; пер. с англ..

Аннотация. Книга английского путешественника Джона Ллойда Уордена Пейджа (John Lloyd Warden Page; годы жизни не установлены), впервые изданная в 1898 году в Плимуте и Лондоне, представляет собой описание путешествия по России в 1897 году: Санкт-Петербург, Москва, Нижегородская ярмарка, Волга. Автор не знал русского языка, что определило характер его книги: непосредственные впечатления, бытовые детали, цены, расстояния, обычаи. Биографические сведения об авторе скудны. Настоящее издание — первый перевод книги на русский язык, сопровождаемый научным аппаратом: вступительной статьёй, комментарием, указателями, глоссариями, хронологической таблицей, библиографией. Для историков, филологов, культурологов и всех, интересующихся историей России и историей путешествий.

Г-ну ПОЛЮ Д'АЗАНТЧЕФФСКОМУ, из Рыбинска, и Г-ну губернскому прокурору Нижнего Новгорода, В ПАМЯТЬ ОБ ИХ ДОБРОТЕ Я ПОСВЯЩАЮ ЭТОТ ТОМ

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительные материалы

Вступительная статья

От переводчика

От редактора

Текстологические принципы

Текст перевода

Предисловие

Глава I. Введение. О России и русских обычаях

Глава II. Кронштадт

Глава III. Окно России

Глава IV. Экипажи, костюмы и соборы

Глава V. Вдоль набережных

Глава VI. Невский проспект

Глава VII. Русская железная дорога

Глава VIII. Москва

Глава IX. Кремль и его окрестности

Глава X. Нижний Новгород

Глава XI. Большая ярмарка

Глава XII. Великая река

Глава XIII. Вверх по Волге

Глава XIV. Кострома и Ярославль

Глава XV. Рыбинск

Комментарий

Сводный комментарий по главам

Сводные таблицы

Приложения

Иллюстрации

Таблицы

Фрагменты оригинального текста

Сведения о публикаторах

Сведения о рукописи, переводах, цензуре

Справочный аппарат

Именной указатель

Географический указатель

Предметный указатель

Указатель этнонимов и конфессий

Указатель произведений

Указатель судов

Указатель библейских цитат и аллюзий

Указатель латинских и иноязычных выражений

Глоссарии

Список сокращений

Библиография

Заключительные материалы

Послесловие

Summary (English)

Contents (English)

Сведения о переводчике и редакторе

Об издании

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ «В России без русского языка»: английский путешественник на Волге в 1897 году

I. Автор и его эпоха

Джон Ллойд Уорден Пейдж (John Lloyd Warden Page) принадлежит к тому разряду английских литераторов конца XIX века, которых точнее всего было бы назвать «профессиональными путешественниками по призванию». Он не был ни дипломатом, ни военным, ни коммерсантом, ни учёным. Он был человеком, для которого путешествие стало способом существования, а книга о путешествии — формой отчёта перед самим собой и перед читателем. Его перу принадлежат описания Дартмура, Эксмур, рек Девона, берегов Девона и Ланди, северного побережья Корнуолла. Все эти книги — о родной Англии, о её глухих уголках, о её древностях и ландшафтах. Россия стала для Пейджа первым и, по-видимому, единственным дальним путешествием, вышедшим за пределы Британских островов.

Биографические сведения о Пейдже скудны. По-видимому, он был связан с Девонширом: все его книги выходили в плимутских издательствах и посвящены юго-западу Англии. Он получил достаточное образование, чтобы свободно читать по-латыни и по-французски, цитировать Ксенофонта и Вальтера Скотта, ссылаться на Свинына и Уоллеса. У него были средства для длительного путешествия и досуг для его описания. Он был человеком ироничного склада ума, склонным к самоиронии, наблюдательным, любопытным, не лишённым предрассудков, но чуждым высокомерия.

Англия 1890-х годов, в которую вернулся Пейдж после своей поездки, была страной на вершине имперского могущества. Викторианская эпоха подходила к концу; королева Виктория праздновала шестидесятилетие своего правления; Британская империя охватывала четверть земного шара. В этой Англии интерес к России был двойственным. С одной стороны, Россия была соперником в «Большой игре» — в Средней Азии, на Балканах, на Дальнем Востоке. С другой стороны, Россия была модной темой: русская литература (Тургенев, Толстой, Достоевский) входила в английский читательский обиход; русская музыка (Чайковский) звучала в концертных залах; русский балет готовился к своему триумфальному шествию по Европе. Английский читатель хотел знать о России больше — и получал это знание из книг путешественников.

Пейдж встал в этот ряд — но с одной важной оговоркой, которая вынесена в заглавие: он не знал русского языка. Это признание сразу отделяет его от предшественников вроде маркиза де Кюстина или Александра Дюма, которые путешествовали по России с переводчиками и в окружении аристократии, и от современников вроде мисс Хэпгуд, которая годами жила в России и говорила по-русски. Пейдж путешествовал один, без языка, на свой страх и риск — и именно эта «безъязыкость» сделала его книгу такой, какая она есть: книгой непосредственных впечатлений, а не обобщающих суждений.

II. История создания книги

Точная дата начала путешествия Пейджа неизвестна. Из текста можно восстановить, что он прибыл в Кронштадт морем в конце июля или начале августа 1897 года, провёл несколько недель в Санкт-Петербурге, затем поехал в Москву, оттуда в Нижний Новгород, оттуда вверх по Волге до Рыбинска, вернулся в Санкт-Петербург и был свидетелем (или почти свидетелем)

смотра в Красном Селе в честь визита президента Франции Феликса Фора. Визит Фора состоялся в августе 1897 года; смотр в Красном Селе, о котором автор рассказывает в последней главе, относится к тому же времени.

Почему Пейдж выбрал Россию — можно только предполагать. Возможно, потому, что Россия оставалась для англичанина «terra incognita» в большей степени, чем Франция или Германия. Возможно, потому, что Нижегородская ярмарка и Волга были в те годы модной темой — о них писали Хэпгуд, Уоллес, Джонстон, Бёрнаби. Возможно, потому, что Пейдж искал страну, достаточно непохожую на Англию, чтобы написать о ней книгу. Так или иначе, он отправился — и написал.

Метод автора. Пейдж наблюдал как турист, а не как исследователь. Он не знал языка, не имел доступа в дома, не вёл систематических записей. Его метод — метод «наивного наблюдателя»: он фиксирует то, что видит, не пытаясь объяснить. Это ограничивает его как аналитика, но делает его ценным как свидетель.

Как велись записи? Из книги видно, что автор вёл дневник или записную книжку, куда заносил наблюдения, цены, расстояния, имена. В тексте есть точные цифры: стоимость билетов, стоимость обеда, количество вёрст, число жителей. Есть наброски: автор упоминает, что рисовал — в Москве на галерее Ивана Великого, на Волге, в Рыбинске. Есть цитаты из прочитанных книг: Свиньи́на, Уоллеса, Мюррея, Бедекера, Хэпгуд, Джонстона, Бёрнаби, Штейнмеца, Меримана, Ходжетта. Значит, книга готовилась не только «по горячим следам», но и с обращением к источникам. Это делает её не просто дневником, а литературным произведением с сознательной установкой на факт.

Реакция современников на книгу нам неизвестна. Прямых рецензий 1898–1900 годов обнаружить не удалось. Книга вышла в провинциальном плимутском издательстве Bowering & Co. и в лондонском George Routledge & Son — издательстве, известном своей массовой продукцией. Тираж, вероятно, был невелик. Иллюстрации (в основном с набросков автора и по фотографиям доктора Дж. Джонстона) должны были оживить текст. Книга не переиздавалась и не была переведена на русский язык — до настоящего издания.

III. Книга в контексте

«В России без русского языка» принадлежит к обширной традиции английских книг о России. Чтобы понять её место, полезно сравнить её с несколькими ключевыми текстами.

Маркиз де Кюстин («Россия в 1839 году», 1843) создал самый знаменитый — и самый спорный — образ России в западной литературе XIX века. Его Россия — империя деспотизма, страна без свободы, без достоинства, без будущего. Кюстин был аристократом, путешествовал в карете, вращался в высшем свете, наблюдал придворную жизнь. Его книга — это суждение, приговор, памфлет.

Александр Дюма («Путевые впечатления. В России», 1858) написал книгу совершенно иного рода. Дюма путешествовал по России как турист, интересовался экзотикой, кухней, обычаями, охотой. Его Россия — страна красочная, щедрая, гостеприимная, но плохо устроенная. Дюма был очарован Россией и не скрывал этого.

Мисс Изабель Хэпгуд («Русские прогулки», 1895) — американка, годами жившая в России, говорившая по-русски, входящая в дома. Её книга — это знание изнутри, сочувственное, но не сентиментальное. Хэпгуд интересовалась бытом, обычаями, религией, положением женщин. Её Россия — страна, которую можно понять, если потрудиться.

Дональд Маккензи Уоллес («Россия», 1877) — шотландец, юрист, публицист. Его книга — это систематическое описание страны: история, государственное устройство, экономика, церковь, суд, крестьянство. Уоллес работал с источниками, сверял данные, сопоставлял факты. Его Россия — объект научного исследования.

Генри Сетон Мериман («Сеятели», 1896) — англичанин, писавший о России как о стране, где живут люди, страдающие от самодержавия, от нищеты, от невежества. Его книга — художественная проза, но она отражает тот же интерес к «человеческой» России, который виден у Пейджа. (Автор ошибочно приписывает этот роман Карлу Штейнмецу; в действительности он написан Генри Сетоном Мериманом.)

На этом фоне Пейдж занимает особое место. Он не судит, как Кюстин. Не восторгается, как Дюма. Не исследует, как Уоллес. Не сочувствует изнутри, как Хэпгуд. Он смотрит — и записывает увиденное. Его метод — метод «наивного наблюдателя», который не знает языка, не понимает обычаев, не имеет доступа в дома, но зато видит то, что ускользает от «посвящённых»: абсурдность официальных процедур, смешное рядом с трагическим, быт как он есть.

Что нового вносит Пейдж?

Во-первых, он даёт голос «маленькому человеку» России — извозчику Ваньке, мужикам на пароходе, нищим у церквей, торговцам на ярмарке. Его книга — не о царях и министрах, а о людях, которые их окружают и обслуживают.

Во-вторых, он даёт «опыт безъязыкости» — то, что сегодня назвали бы «культурным шоком». Его описания того, как он не понимает меню, не может объясниться с кассиром, не знает, как заказать свечу, — это ценнейший источник по истории межкультурной коммуникации.

В-третьих, он даёт «опыт провинции» — не только Москвы и Петербурга, но и Балахны, Кинешмы, Костромы, Ярославля, Рыбинска. Русская провинция 1890-х годов в западных книгах описана гораздо реже, чем столицы.

Литературные особенности. Книга Пейджа — не только путевой дневник, но и литературное произведение. Её отличают ирония (часто самоирония), диалог с читателем, умение видеть смешное и грустное одновременно. Автор не стесняется признаваться в невежестве, в растерянности, в раздражении — и это делает его рассказ живым.

Где Пейдж тенденциозен? Он склонен к иронии там, где русский обычай кажется ему нелепым (таможенные проволочки, торг на рынке, отсутствие пробки в умывальнике). Он не всегда справедлив к духовенству, к чиновничеству, к крестьянству. Он повторяет некоторые стереотипы (о лени мужика, о жестокости Ивана Грозного, о невежестве русского крестьянина). Но там, где он описывает конкретных людей — Ваньку, священника с семьёй, офицеров на пароходе, — он неизменно доброжелателен и наблюдателен.

Где Пейдж достоверен? В цифрах, в датах, в ценах, в описаниях быта. Его сведения о стоимости билетов, о расстояниях, о населении городов, о пище на пароходе, о ценах на ярмарке — это первичный источник, который может быть использован историками повседневности.

IV. Историко-культурный фон

Россия, которую увидел Пейдж, была страной на пороге великих потрясений. Николай II вступил на престол в 1894 году. В 1896 году произошла Ходынская трагедия, омрачившая коронацию. В 1897 году был совершён визит президента Франции Феликса Фора — первый в истории визит главы французского государства в Россию, ознаменовавший начало франко-русского союза. В том же году была проведена первая всеобщая перепись населения России.

Нижегородская ярмарка, которую описывает Пейдж, была в те годы «величайшей ярмаркой мира». Она собирала торговцев со всей России, из Средней Азии, из Персии, из Китая. Она была главным посредником между Востоком и Россией. Но её значение уже клонилось к закату: железные дороги, Транссибирская магистраль, развитие постоянных торговых связей делали ярмарку всё более анахроничной. Пейдж чувствует это и ставит вопрос о будущем

ярмарки — один из немногих случаев, когда он выходит за пределы наблюдения и переходит к обобщению.

Волга, которую Пейдж проплыл от Нижнего до Рыбинска, была главной водной артерией России. По ней шли баржи с зерном, лесом, железом, нефтью, рыбой. По ней ходили пароходы — «американского типа», как их называет Пейдж, — с гребными колёсами и двумя палубами. Волга была и транспортной магистралью, и местом работы, и местом отдыха. Пейдж описывает и то, и другое, и третье.

Положение крестьянства, которое Пейдж затрагивает в XIII главе, было одной из самых острых проблем России. Освобождение 1861 года не решило аграрного вопроса. Малоземелье, налоги, голод 1891–1892 годов, слухи о новом голоде — всё это создавало напряжённость, которая через несколько лет выльется в революцию 1905 года. Пейдж не анализирует эти процессы, но он их фиксирует: он видит бедность, он слышит разговоры, он передаёт слухи. Его книга — это свидетельство очевидца о том, что Россия стояла на пороге катастрофы.

Особое место в книге занимает визит Феликса Фора. Пейдж с иронией описывает всеобщее возбуждение, триколоры, бюсты, «Vayleeks Vowr» — ироничная транслитерация имени президента. Эта ирония — не злоба; это скорее удивление перед тем, как быстро Россия переходит от сдержанности к эйфории. Смотр в Красном Селе, который Пейдж почти увидел, но пропустил, — это символ всей его книги: он всегда почти успевает, но чуть-чуть опаздывает; он видит следствия, но не причины; он описывает поверхность, но не глубину.

V. Судьба книги и перевода

Прямых свидетельств о реакции современников обнаружить не удалось. Книга не переиздавалась и не была переведена на другие языки. Её автор не стал знаменитым. О нём нет статей в энциклопедиях, нет монографий, нет диссертаций.

Тем не менее книга представляет интерес — и не только как исторический документ. Она интересна как образец жанра: путешествие без языка, без проводника, без подготовки. Она интересна как источник: цифры, даты, детали, которые больше нигде не найти. Она интересна как литература: живой язык, ирония, наблюдательность, умение видеть смешное и грустное одновременно.

Настоящий перевод — первый перевод книги на русский язык. Он сделан с первого и единственного прижизненного издания 1898 года. Принципы перевода изложены в разделе «От переводчика». Здесь важно отметить главное: перевод стремится сохранить интонацию оригинала — ироничную, живую, непосредственную. Там, где автор ошибается, ошибка не замалчивается, а отмечается в примечании. Там, где автор шутит, шутка сохраняется. Там, где автор цитирует, цитата даётся с указанием источника.

VI. Заключение

«В России без русского языка» — книга, которая могла быть написана только в конце XIX века и только англичанином. Она отражает и интерес викторианской Англии к России, и её предрассудки, и её любознательность. Она даёт нам образ России, увиденной «со стороны», но не свысока. Она даёт нам образ путешественника, который не притворяется знатоком, но и не отказывается от суждения.

Для современного читателя книга Пейджа ценна тремя вещами. Во-первых, она даёт живую картину России 1890-х годов — не столичной, не парадной, а обыденной, повседневной, провинциальной. Во-вторых, она даёт образец межкультурного опыта — опыта человека, который оказался в чужой стране без языка и без проводника и всё же сумел её увидеть. В-

третьих, она даёт нам пример книги, которая не претендует на истину в последней инстанции, но честно рассказывает о том, что было увидено.

Книга Пейджа — это не энциклопедия России и не исследование о России. Это рассказ о путешествии. Но в этом рассказе — больше России, чем в иных исследованиях.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Источник.Перевод выполнен по первому и единственному прижизненному изданию: *In Russia Without Russian, or The Wanderings of an Englishman in Central Russia, by Land and Water. By John Lloyd Warden Page.* Plymouth: Bowering & Co.; London: George Routledge & Son, Ltd., 1898. Текст сверен с оцифрованной копией из собрания Библиотеки Иллинойского университета (шифр 914.7 P14i).

Общий принцип.Перевод стремится сохранить регистр оригинала: ирония передаётся иронией, пафос — пафосом, бытовая речь — бытовой речью. Кальки и буквализмы устраняются, кроме тех случаев, когда они являются авторскими курьёзами.

Передача имён.Собственные имена передаются в русской литературной традиции. Отказ от механической транслитерации не абсолютен: транслитерация сохраняется там, где она сама является предметом описания (например, «Vayleeks Vowr» — искажённое русское произношение имени Феликса Фора; «Низьма» — просторечное название Нижнего Новгорода в устах автора; «Ввавский монастырь» — искажение, которое нельзя восстановить с уверенностью). В остальных случаях — русская форма: Nijni Novgorod → Нижний Новгород, Yaroslav → Ярославль.

Передача реалий.Русские реалии (армяк, дрожки, самовар, квас, закуска, верста, тройка, губернский прокурор и др.) передаются русскими словами без перевода, с пояснением в «Словаре реалий». Английские реалии (beefeaters, Fleet Street, Saturday Review и др.) передаются с переводом или пояснением в сноске.

Иноязычные вставки.Все латинские, французские, немецкие, итальянские, греческие и шведские выражения переведены в постраничных сносках с пометой «Прим. пер.».

Ошибки автора.Фактические ошибки автора не исправляются молча. Возможны три решения: (1) оставить в тексте как авторские, с примечанием; (2) исправить в тексте, с примечанием, указывающим, что было в оригинале; (3) оставить без исправления, но с примечанием, если ошибка значима сама по себе.

Авторские курьёзы.Некоторые места оригинала являются не ошибками, а авторскими курьёзами. Они сохранены с пометой.

Стиль.Регистр оригинала сохраняется: ирония передаётся иронией, пафос — пафосом. Авторские повторы и курьёзы не сглаживаются, если они характеризуют автора.

ОТ РЕДАКТОРА

Типы примечаний.В издании используются шесть типов примечаний, маркированных буквенными индексами:

ИК— историко-культурный комментарий: реалии, события, лица, учреждения, обычаи.

ЛК— лингвистический комментарий: игра слов, искажённые русские слова, транслитерация, этимологии.

ПК— переводческий комментарий: почему выбран такой вариант, какие есть альтернативы, где перевод условен.

РК— редакторский комментарий: фактические ошибки автора, устаревшие сведения, современные уточнения.

ТК— текстологический комментарий: разночтения, опечатки оригинала, [sic].

БК— библейский комментарий: аллюзии, цитаты, отсылки к Писанию.

Если примечание относится к нескольким типам, ставится комбинированная марка: ИК/РК, ПК/ЛК, РК/ТК и т.д.

Оформление. Постраничные сноски — для переводческих, лингвистических и кратких историко-культурных примечаний. Концевые примечания — для развёрнутых историко-культурных, редакторских и текстологических.

Принципы комментирования. Комментарий не дублирует уже пояснённое. Если реалья разъяснена в «Словаре реалий», в тексте даётся отсылка к нему. Если понятие встречается несколько раз, примечание даётся при первом упоминании, при последующих — отсылка. Там, где автор ошибается, примечание отделяет «так в оригинале» от «на самом деле».

Что не комментируется. Общеизвестные факты (что такое Кремль, кто такой Пётр Великий, где находится Волга) — если только сам автор не даёт повода к уточнению. Субъективные оценки автора приводятся как исторический источник, без оценок.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

Источник текста

Перевод выполнен по первому и единственному прижизненному изданию 1898 года. Текст сверен с оцифрованной копией из собрания Библиотеки Иллинойского университета. Других изданий книги не существует. Рукопись, если она сохранилась, недоступна. Авторских правок в известных экземплярах не обнаружено.

Передача имён, топонимов и реалий

Сводные таблицы — в приложениях. Общий принцип: русская литературная традиция, с сохранением авторских искажений там, где они являются предметом описания.

Оформление сносок и маркировка примечаний

Постраничные сноски — арабской цифрой в верхнем регистре.

Концевые примечания — арабской цифрой в квадратных скобках.

Внутренние отсылки — «см. примеч. 12 к гл. III».

Маркировка — ИК/ЛК/ПК/РК/ТК/БК.

Пометки — Прим. пер. / Прим. ред.

Работа с ошибками автора

Сводная таблица ошибок автора — в приложениях. Общий принцип: не исправлять молча; указывать, что было в оригинале.

Лингвистические решения

Сводная таблица переводческих решений — в приложениях. Общий принцип: кальки устраниваются, кроме авторских курьёзов.

Унификация имён и названий

Сводная таблица — в приложениях. Общий принцип: единая форма по всему тексту, с оговорками в примечаниях.

Оформление текста

Курсив — для иноязычных выражений, названий книг, газет, журналов, судов.

Полужирный — для заголовков и подзаголовков.

Кавычки — русского образца («ёлочки»), внутри цитат — «лапки».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Название этой работы, как мы надеемся, в значительной степени обезоружит критику. Оно подразумевает — или призвано подразумевать — что знание автором русского языка было и остаётся практически нулевым. В связи с этим написание русских слов английскими буквами — большинство из них, кстати, допускают два или три варианта написания — местами должно быть ошибочным. Добрый читатель, будь он британцем или москвичом, при таких обстоятельствах простит это.

Книга содержит, грубо говоря, отчёт о посещении Санкт-Петербурга, Москвы, Большой ярмарки в Нижнем Новгороде и великолепной реки Волги, по которой автор проплыл около четырёх-пятисот вёрст, посещая, когда это было возможно, некоторые города на её берегах. Но хотя она и не претендует на большее, чем рассказ путешественника, мы надеемся, что этот скромный том окажется — ну — не совсем бесполезным для тех, кто, как и упомянутый путешественник, посещает Московию впервые.

Если они хотят получить дополнительную информацию (что не невозможно), им рекомендуется прочитать занимательные «Русские прогулки» мисс Хэпгуд^[1] и более основательную «Россию» Уоллеса^[2]. Обеим работам автор обязан массой удовольствия и просвещения, за что искренне благодарен.

Иллюстрации в основном сделаны по наброскам с натуры и, вероятно, изображают сцены, которые в некоторых случаях никогда не фотографировали. За фотографию Ивана Великого автор благодарен доктору Дж. Джонстону, члену Медицинского конгресса, проходившего в Москве в августе прошлого года, джентльмену, отличающемуся смелой активностью с фотоаппаратом.

Части глав, относящиеся к Нижнему Новгороду и Волге, появились в журнале «Travel»^[3] за январь и февраль прошлого года. Остальной материал является новым.

ГЛАВА I. ВВЕДЕНИЕ. О РОССИИ И РУССКИХ ОБЫЧАЯХ

Перемены в путешествиях — Паспорта — Вежливость — Заметная одежда — Политические дискуссии — Религиозные обычаи — Русский язык.

Сто лет назад путешествие в Россию было своего рода подвигом — тем, чем можно было гордиться. Сегодняшний путешественник, проникающий в Центральную Азию и даже в Центральную Африку, получает куда меньше славы, чем человек, который во времена Павла I^[4] отважился отправиться в дикие, как тогда считалось, края Центральной России. Тот, кто мог сказать, что видел Кремль и Нижегородскую ярмарку, сразу устанавливал рекорд; смельчаком был бы тот, кто отважился на плавание по Волге. Но всё это изменилось. Россия «открылась», Россия больше не является terra incognita^[5]; поездка в Москву почти так же легка, как поездка в Брюссель; плавание по Волге не более трудно, чем плавание по Рейну. Железная дорога и пароход всё перевернули.

С помощью первой мы можем достичь России в пограничном городке Вержболово примерно за сорок часов; с помощью второго — добраться до Санкт-Петербурга примерно за сто. То есть мы можем достичь её, если у нас есть надлежащие документы, ибо без должным образом завизированного паспорта никто не может войти во владения царя.

И здесь, как говорят юристы, самое время сказать о паспортах. Паспорт получают по заявлению в Министерство иностранных дел, и стоит он три шиллинга и шесть пенсов. Он должен быть завизирован русским посольством — Министерство иностранных дел следит за этим — снова завизирован на границе, если путешественник едет по железной дороге, в Кронштадте, если он едет морем, снова завизирован полицией в каждом месте, где он останавливается во время своих путешествий, и наконец завизирован при выезде из страны. За все эти визы нужно платить, и плата, как и большинство других вещей в России, неопределённа. Это может быть тридцать копеек (которые я заплатил в Москве), может быть рубль (сумма, взимаемая как при прибытии, так и при отъезде из Кронштадта). Иногда может быть и больше, ибо русское чиновничество не прочь создавать досадные задержки, которые можно устранить только применением той мази, известной как «масло для ладоней». За исключением задержек, во всей этой визовой процедуре нет особых хлопот. В отелях администрация обязана по закону заниматься этим; если вы снимаете квартиру, ответственность несёт домовладелец. В любом случае обязанность возлагается на дворника, или привратника, который, как говорят, в действительности является полицейским агентом и, как таковой, следит за всеми посетителями. Но ваш паспорт, помните, действует только шесть месяцев, после чего его должен заменить русский.

Как вы обходитесь, когда покидаете страну, я не знаю, ибо за меня это сделал агент. Но весь процесс очень кратко и не без остроумия описан корреспондентом «Pall Mall Gazette»^[6]. «Большинство людей, — говорит он, — рады избавиться от злодеев. Русские же, однако, строго запрещают кому-либо покидать свои гостеприимные берега, если он не может доказать свою безупречную репутацию. Это делается путём дачи взятки своему дворнику и терпеливого ожидания результатов в местном Скотленд-Ярде. В конце концов чиновники выдают небольшую книжечку с подписями и свидетельствами, чья эфемерная карьера заканчивается в билетной кассе, где жандармы сразу отбирают её у гордого владельца».

Это внушительные вещи, эти паспорта, и способные внушить благоговение любому чиновнику, не слишком возвышенному ни чином, ни водкой. Я помню один особенно памятный случай. Не веря многочисленным историям об опасностях, подстерегающих человека, который рисует, я начал зарисовывать Петропавловскую крепость. Не успел я сделать и нескольких штрихов, как заметил двух господ в зелёной форме, стоявших по обе стороны, у

каждого плеча. Я продолжал рисовать. Они сделали какое-то замечание по-русски, которого я не понял, и потому не знаю, было ли оно мне на пользу или для их собственного удовольствия. Но рисовать, когда пара часовых следит за каждым движением твоего карандаша, неприятно, и через некоторое время я начал чувствовать беспокойство. Счастливая мысль: если они задумали меня арестовать, лучше предотвратить, чем лечить — всё равно чем: маршем обратно на корабль или обращением в британскую миссию. Я вытащил паспорт и вызывающе развернул его на стене. Это подействовало как магия. «Мы, Роберт Артур Талбот Гаскойн Сесил» — это оказалось слишком много для моих ангелов-хранителей. Они — так сказать — расправили крылья и улетели.

Всегда хорошо иметь при себе паспорт. Вероятно, если вы не путешествуете, он вам не нужен; но если вы путешествуете, он необходим.

Если не абсолютно необходимы, то во всяком случае желательны три вещи для комфорта человека, путешествующего по России. Первая — вежливость. Вторая — быть незаметным в одежде, словах и делах. Третья — знание языка. Первые два *desiderata*^[7] легко достижимы. Любой может, если захочет, быть вежливым, а никто не обязан быть заметным, если только знает, чего избегать. С языком справиться не так легко, и, поскольку он и непрактичен, и поскольку знание его из этих трёх вещей наименее существенно, я ставлю его на последнее место.

Боюсь, что как нация мы преуспеваем меньше в *suaviter in modo*, чем в *fortiter in re*^[8]. Иными словами, мы не отличаемся вежливостью. Я видел нашу островную прямоту, проявляющуюся снова и снова. «Ну же, (ругательный эпитет), убирайся отсюда», — таково было приветствие английского офицера лодочнику, который привёз нескольких опоздавших пассажиров с берега. Человек не сделал ничего плохого и просто ждал приказаний. Хуже того, он, возможно, немного понимал по-английски, так как его ремесло состояло в том, чтобы перевозить людей всех национальностей на корабли и обратно. Возможно, эпитет, относившийся к многослойности его одежды, был заслужен, ибо русские лодочники живут и спят в тесных деревянных хижинах на пристанях. Но это было неразумно. «Ради всего святого, идите в мою карету, здесь один из этих ужасных негров», — крикнула дама своему другу-офицеру на платформе. Индийский господин, предмет этого приятного замечания, улыбнулся. «Это всего лишь англичанин», — заметил он с горечью своему спутнику. Но к чему множить примеры? Везде одно и то же.

Русские же — вежливый народ, и если вы обращаетесь с ними должным образом, они не только ответят вам тем же, но и сверх того. Сколько усилий предпринимает москвич, будь то знатный или простой, чтобы заставить англичанина понять, — это выше всяких похвал. Русский заказал мне обед и, отказавшись разделить его со мной, удалился из зала ожидания и встал на страже снаружи до прибытия поезда, после чего с зонтом, поднятым над моей головой — не над своей — провёл меня по длинной мокрой платформе и нашёл мне место в поезде. Русский отложил встречу, чтобы предоставить свои услуги в моём распоряжении, и прошёл некоторое расстояние, пока не достиг места, где мог написать письмо, рекомендуемое меня — человека, которого он знал пять минут — заботам высокопоставленного лица. Русский терпеливо выслушал спор между мной и кассиром и, взяв дело в свои руки, заплатил за мой билет и пожелал мне на прощание вежливое «с Богом». В русском сидит татарин — не знаю, я никогда не пробовал царапать. Напротив, я приветствовал всех, с кем говорил, даже полицейских (удивительно, какое действие производит поднятие двух пальцев ко лбу), и радостно продолжал свой путь.

Входя в магазин, принято, как и везде на континенте, приподнимать шляпу. Если там уже есть покупатели, которые остаются с непокрытой головой, вы следуете их примеру. Это маленькое внимание *de rigueur*^[9], и человек, не соблюдающий его, считается невежей. Однажды некий господин (надеюсь, не англичанин), не соблюдавший этот обычай, получил свою шляпу,

надвинутую на глаза, а его трость, которую он положил на стеклянный прилавок, была выброшена на улицу, куда ему с изысканной вежливостью предложили проследовать. Вот что значит поскрести русского.

В такой стране, как Россия, где всё пронизано подозрительностью, хорошо не делать ничего, что привлекает внимание. Ходить, например, в белых фланелевых брюках или любой другой заметной одежде делает путешественника заметным, и, хотя это может ничем не кончиться, он может получить неприятные взгляды. Не следует быть заметным, по-видимому, даже в имени. Я знаю одного господина, которого не пустили в общественное здание, пока он не подписал в книге на входе другое имя, не своё. «Я не думаю, что ваше имя хорошее, — сказал слишком придирчивый чиновник, — вы должны написать другое». Более позабавленный, чем возмущённый, посетитель так и сделал. Это просто смешно. Но в конце концов, у нас есть аналогичный случай в нашей собственной стране. Когда его представили мистеру Уики, директору Торрингтонской гимназии, доктор Джонсон^[10] повернулся к нему спиной, заметив, что ему «не нравится его имя!»

И никогда не обсуждайте (или не позволяйте втянуть себя в обсуждение) никакого вопроса, хоть в малейшей степени касающегося правительства. Ваш сосед за табльдотом — на приёме — в поезде — может оказаться агентом тайной полиции, а арестовать в России — дело нехитрое. Не стоит даже хвалить царя. Я однажды отважился заметить, что император — я никогда не слышал, чтобы его называли «царь» — приятный молодой человек. Мой визави сказал «да», мой сосед, русский офицер, тоже сказал «да», и оба посмотрели друг на друга и на меня, как бы говоря: «достаточно сказано». Я принял намёк. «В этой стране, — как говорит Карл Штейнмец в „Сеятелях“^[11], — чем меньше находишь, тем меньше видишь, тем меньше понимаешь, тем проще живёшь».

Что касается реальных проступков, полезно помнить, что даже извозчики и священники имеют чувства, и что один не любит, когда над ним смеются из-за его нелепо длинного пальто, а другой — из-за его нелепо длинных волос. А также что русские — набожный народ и не любят, когда над их религиозными обычаями насмеются или даже шепчутся о них. «Посмотрите на того парня, кланяющегося картине», — сказанное сценическим шёпотом, вряд ли заставит «того парня», который, возможно, понимает замечание, полюбить англичанина, произнесшего его. Точно так же полезно соблюдать некоторые народные обычаи, например, снимать головной убор, проходя под иконой особой святости, например, над Спасскими воротами в Кремле. Сверхчувствительным это может показаться идолопоклонством, но для обычного человека это просто соблюдение обычая. Зачем оскорблять чувства православных, не делая того, что делает каждый, от царя до последнего крестьянина? Это, в конце концов, вполне в духе дома Риммона^[12].

Жаль, что нельзя так же легко «приспособиться» к языку. Он ужасен. Почему такой разумный человек, как Пётр Великий, когда он пересматривал алфавит, не отменил его полностью и не ввёл латинский шрифт, — одна из тех вещей, которых никто не может понять. Но, полагаю, даже он не посмел предпринять такую перемену. Это было слишком радикально. Тем временем русский алфавит с его 36 буквами^[13] остаётся памятником, посвящённым варварству, — собранием символов, которые приобретаются с болью и забываются с поистине обескураживающей быстротой.

Это удивительный язык. Некоторые из его самых вежливых выражений звучат почти как оскорбления. Возьмите «спасибо», например. Буквально оно означает «спаси Бог». А английское «I will not give more» (что, кстати, невежливо) по-русски звучит как «я больше не дам». Это великий язык. Но, к счастью, Россия — большая страна, и в ней есть место для него.

Но есть одно слово, которое легко запомнить. Это «вокзал», железнодорожная станция. Когда наш добрый бывший английский капеллан в Санкт-Петербурге дошёл до этого слова в своей небольшой речи на борту корабля, раздался вздох облегчения, сменившийся криком вос-

торга. «Вокзал! Вокзал! Это мы уж точно не забудем». Это было как «Таласса! Таласса!»^[14] Десяти тысяч, когда после многих опасностей они увидели Эвксин.

Следует упомянуть, что кричать на иностранца на ломаном английском, как это принято у некоторых путешественников (как будто бедняга глухой), вряд ли поможет делу — не более, чем прошептать ему то же самое по-английски «как следует». Предполагать, что иностранцы поймут нас лучше, если мы скажем им два слова вместо двадцати, да ещё *ore rotundo*^[15], — абсурдно. Не стоит путешественнику ожидать многого и от французского (ломаного или иного). Правда, это язык светского общества — которое часто говорит на нём отвратительно — и его понимают во многих магазинах Санкт-Петербурга. Но человек на улице ничего о нём не знает. Он гораздо вероятнее знает немецкий, особенно в Центральной и Южной России, где есть колонии, основанные Екатериной Второй, и где ведётся большая и растущая торговля «вещами, сделанными в Германии», по железным дорогам, сходящимся к Москве.

Но на этом эти советы должны закончиться. Они написаны в надежде, что окажутся полезными тем, кто, как и я, посещает Россию впервые. Другие советы могут появиться позже, и, если у читателя хватит терпения следовать за мной, он узнает, что есть и другие вещи, которые нужно приобрести или которых следует избегать, в зависимости от обстоятельств, помимо тех, о которых я взял на себя смелость рассуждать в этой главе.

ГЛАВА II. КРОНШТАДТ

Финский залив — Кронштадт — Сэр Чарльз Нейпир — Отец Иоанн — Чиновничество — Канал — Санкт-Петербург — Военно-морские верфи — Английская набережная — Васильевский остров.

Сужающийся эстуарий. По обе стороны низкий невыразительный берег — тот, что по правому борту, — Россия, тот, что по левому, — Финляндия. По носу, всё ещё в нескольких милях, несколько блоков резко выделяются на фоне встречи моря и неба; слева шпиль, купол или два, и вскоре компактная масса зданий возвещает о некоем городе. Блоки — это форты; город — крепость Кронштадт.

Не то чтобы это была только крепость. Когда пароход проходит мимо фортов и бросает якорь почти в пределах пушечного выстрела от места, мы замечаем, что там есть большие доки, или, скорее, гавани, одна из которых полностью отдана торговым судам, и что лихтеры входят и выходят довольно часто с грузом в Санкт-Петербург или из него, находящегося в двадцати милях. Но в Кронштадте больше признаков войны, чем мира. Их будет ещё больше, когда гавань, сейчас строящаяся в столице, будет закончена, ибо тогда Кронштадт станет только военно-морским портом. И у нас достаточно времени, чтобы изучить эти признаки — войны или мира, — ибо московское чиновничество устроило обычную задержку, и попасть в Санкт-Петербург невозможно, пока власти не разрешат высадку.

П

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.